

Кардовский в Переславле

Этой осенью в Переславском музее был отмечен 135-летний юбилей Дмитрия Кардовского. О Дмитрие Николаевиче, его творчестве, значении в русской культуре и искусстве написано много книг и статей, а также воспоминаний его учеников и людей, близко с ним знакомых. В данной публикации используются воспоминания А. Романовского, относящиеся к переславскому периоду жизни семьи Кардовских.

...Чем талантливее человек, тем ярче и характернее его внешний и внутренний облик, тем крепче он вписан в народную память, в свою эпоху. Таков и Дмитрий Николаевич Кардовский, человек необыкновенного обаяния, выдающийся художник, патриот нашего неповторимого Залесья, — писал Романовский. — ...Когда осенью 1918 года я приехал в Переславль-Залесский, Дмитрий Николаевич с семьёй был уже там. Он жил в своём доме на горе, в начале Фёдоровской слободы.

Надо заметить, что этот дом Кардовский получил по наследству от своей родственницы в 1915 году. Сложен он был из добротных сосновых брёвен и балок в 1885 году, и на них, по воспоминаниям Екатерины Дмитриевны, ещё долго выступали капельки смолы.

Справа (у дома) было парадное крыльцо, которое обычно не открывалось, а слева — терраса, увитая диким виноградом, с двумя лесенками в сад. Между домом и флигелем стоял решетчатый забор...

В настоящее время дом является частью комплекса творческой дачи художников и скульпторов.

Автор воспоминаний работал в отделе народного образования вместе с другими представителями переславской молодёжи, некоторые из которых оставили свой след в культурной жизни города: Г. Альбицкий, С. Елховский, Б. Покровский. Г. Альбицкий бывал у Кардовских, с которыми горели желанием познакомиться и все остальные. В свою очередь Кардовские ничего не имели против подобного знакомства, для чего было решено устроить бал-маскарад под новый, 1919 год. У Кардовских их встретили как друзей. Ольга Людвиговна, жена Дмитрия Николаевича,

...с восторгом осматривала костюмы, восхищаясь тем, как всё было искусно подобрано. Дмитрий Николаевич, чуть склонив голову и упёршись чёрной, упругой бородой в грудь, внимательно и приветливо рассматривал нашу пёструю толпу. Мы тоже жадно приглядывались к хозяевам и всему, что нас окружало. Всё здесь было просто, но и в то же время исполнено вкуса и изыска. В комнате к керосиновым лампам на этот вечер были приделаны снизу какие-то широкие розетки, и лампы превратились в древние светильники. На стенах кое-где виднелись рисунки и пастели. В столовой — старинная мебель.

Но больше всего нас занимали сами хозяева. С первого взгляда меня поразила настоящая мужская красота Дмитрия Николаевича. Его густая, немного курчавая борода, нос с горбинкой, широкий жест невольно уносили мысль куда-то в глубь веков, в эпоху Возрождения...

Увлечённый всеобщим весельем, Дмитрий Николаевич принимал участие в маскараде и выходил то обернутый в простыню, как бедуин, то, опираясь на клюку, в потрёпанном тулупчике, как нищий. При этом он серьёзно и талантливо разыгрывал свою роль.

Знакомство было завязано. Молодые люди всё больше и больше привыкали к Кардовским, часто бывали у них в доме, занимались в школе рисования, открытой во флигеле при усадьбе и руководимой Ольгой Людвиговной.

Подходил к нам и Дмитрий Николаевич. Он закуривал трубочку и с живейшим интересом присоединялся к молодёжи.

Весёлой компанией совершали они совместные прогулки по окрестностям,

иногда в летние вечера уходили в сад — к сиреням, букетам лип, в аллею, которая кончалась колодцем. Здесь, на лужайках, затевались игры. Любили городки... Оставив игры, мы располагались на лавочках под липами или на ступеньках террасы. Дмитрий Николаевич, сверкая оживлёнными, умными глазами и потряхивая головой, увлекал нас своими рассказами. Его речь была нетороплива, часто исполнена тёплого юмора и всегда по-русски сочна и колоритна. И чего только не было в его репертуаре! Тут и диковинные случаи из старой помещной жизни, и любимые им мужики с их судьбами и радостями, и живые портреты учителей и товарищей по искусству, и просто картинки из окружающей жизни...

Не обошли Кардовского стороной жизненные невзгоды и трудности тех лет.

Отрываясь от своего искусства, он безропотно копался в огороде, ухаживал за садом, заботился о дровах, выполнял разные поделки по дому... Случалось мне встречаться с ним и на тяжёлых тропах, во время походов с зерном на мельницу, что стояла в поле, за Подгорной слободой, или к живодеёру Сабаю за кониной... С корзинкой на руке или рюкзаком за плечами идёт он спорой походкой на базар. Путь неблизкий: километра три-четыре. Встретит кого-нибудь из знакомых — приветливо снимет шляпу и раскланивается... И всё это он делал и принимал без жалоб и упрёков, как обычное и нужное дело, которое делали и все вокруг... Простота и скромность прославленного художника и академика покоряли всех.

...В семье Кардовских привлекали не только искусство и высокий культурный уровень, но и другие, но не менее важные духовные качества: чувство долга перед своим призванием, трудолюбие, мужество в перенесении материальных трудностей, а главное — преданность своему народу и готовность служить ему. Эти качества особенно сильно были выражены в Дмитрие Николаевиче. Он трогательно любил свой край, свой народ. С нескрываемой теплотой и душевной симпатией относился Дмитрий Николаевич к простым людям: ко всякого рода умельцам, мастеровым, мужикам. Он никогда не называл их только по имени, а всегда и по отчеству: «Иван Никонорович, Фёдор Спиридонович». Об этом свойстве души и характера Кардовского свидетельствует надпись, сделанная им на обороте «Портрета А. И. Хализова» (1924), хранящегося в Переславском музее: «Алексей Иванович Хализов, он же Мартыновский, крестьянин Подгорной слободы... отличный хозяин и мастер своего дела, прекрасный плотник».

В Переславле Кардовским было написано множество пейзажей и портретов жителей города.

Излюбленным местом для этюдов была у него Рыбацкая слобода... Дмитрий Николаевич любил эту исконную, дедовскую Русь. Его можно было встретить с мольбертом или этюдником перед каким-нибудь рыжебородым или черногривым обитателем Рыбацкой слободы или где-нибудь в её закоулках... Он ценил характерные народные лица, натруженные руки. Видно было, что он думает и чувствует вместе со своим народом, что они понимают друг друга.

Люди тянулись к дому Кардовских,

потому что его обитатели никогда не опускали рук, они умели даже в самые трудные времена освещать вокруг себя жизнь огнём исканий, искусства и красоты.

В статье цитируется статья: Романовский, А. На родной земле / А. Романовский // *Искусство*. — 1964. — № 8. — С. 57—62. Цитата неаккуратная: объединены разные абзацы, предложения переставлены местами. Цитата не сличена с оригиналом. — *Ред.*